

М.А. Корытцев

МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ И МОБИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСПОДСТВА ИНСТИТУТА ВЛАСТИ-СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ: исторические параллели и вызовы современности

Институт власти-собственности современными исследователями характеризуется как базовый элемент азиатского способа производства или так называемой восточной институциональной матрицы¹, определяющей особенности развития многих восточных сообществ, с доминированием ряда экономических и политических институтов, не характерных для западных стран. При этом власть-собственность как институт, в рамках которого происходит сращивание властных (политических и административных) полномочий бюрократической иерархии и возможностей распоряжения крупной собственностью и экономическими ресурсами, обеспечивающими присвоение прибавочного продукта при производительном использовании этих ресурсов, органично дополняется редиистрибутивностью (централизованным перераспределением). Карл Поланьи охарактеризовал последнее как один из основных способов координации хозяйственной активности, существовавший в истории человечества наряду с взаимным дарообменом, натуральным хозяйством (по терминологии Поланьи «домашним хозяйством»)² и собственно рыночным способом координации, основанном на эквивалентном обмене³.

Базовые институты обществ восточного и западного типов

Точно также как экономическую основу современной капиталистической системы формирует симбиоз институтов частной собственности и рынка, представляющих собой институциональную матрицу (по С. Кирдиной, Y-матрицу)⁴, лежащую в основе западных социумов, в основании восточных социумов находятся институты власти-собственности и редиистрибутивный механизм (табл. 1).

Таблица 1

Базовые институты «западного» и «восточного» обществ

	Отношения собственности	Способ хозяйственной координации
Западная институциональная матрица	Частная собственность	Рынок
Восточная институциональная матрица	Власть-собственность	Перераспределение (редистрибуция)

Конечно, в истории можно найти примеры применения редистрибутивных механизмов в экономике с доминирующей частной собственностью (в условиях военного времени в странах Западной Европы и США, в современных системах смешанной экономики), а также иные сочетания этих базовых институтов. Однако указанные выше комбинации в рамках западных и восточных типов обществ следует все-таки признать наиболее распространенными и устойчивыми, что позволяет охарактеризовать их как устойчивые «идеальные» типы институциональных матриц, характерных соответствующим социумам.

Полагаем, что сам по себе факт укорененности редистрибутивных механизмов в обществах восточного типа определяет ряд специфичных их характеристик, определяющих многие социальные элементы и в определенной степени доминирующую систему ценностей в таких сообществах. Неправовой характер восточного сообщества приводит к некоторым любопытным следствиям — в частности формальному воспроизводству импортируемых политических институтов, содержание которых при этом принципиально трансформируется, приспособляясь под сложившуюся систему отношений власти-собственности, вместо того, чтобы способствовать ее рыночной «демократизации».

Хорошей исторической иллюстрацией здесь служит практика организации Земских Соборов в XVI–XVII вв. Известные историки Б. Чичерин и В. Ключевский еще в XIX в. отмечали принципиальное отличие характера деятельности Земских Соборов в Московии от представительных органов, сформированных ранее в ряде стран Западной Европы (Англии, Франции, Испании и др.)⁵. Указанное отличие состояло в том, что инициатива в созыве представительных собраний в России исходила

не снизу, «от народа», а «сверху», от политической власти, заинтересованной в получении «санкции народа», для упрочения собственной власти и одобрения проводимой политики, которая при этом «народным представительством», по сути, никак не корректировалась.

С другой стороны, идеология, сакрализирующая династический порядок передачи власти, также характерная для многих стран средневековья и сохранявшаяся до последнего столетия во многих восточных сообществах, в том числе и в России, формирует соответствующие политические ценности у широких слоев населения. Это легитимизирует сохранение того же института власти-собственности, так же как и дает санкцию власти на реализацию ею своих мобилизационных полномочий.

В то же время, на наш взгляд, ограничение анализом власти-собственности как базового хозяйственного института, определяющего специфику социального строя и доминирующих ценностей (надконституционных институтов), не позволяет в достаточно полной мере понять природу, специфику и механизмы, обусловившие их формирование. Предметом анализа должен стать также институциональный механизм редистрибуции.

Исследование институционального механизма редистрибуции

Значимая роль механизмов редистрибуции в экономической системе восточных сообществ и историческая продолжительность существования этого института (особенно в России) способствует его устойчивому воспроизводству и определяет многие специфические национальные особенности социальной жизни и хозяйственного поведения. Последние годы исследованию природы и особенностей редистрибуции как базового института посвящены специальные работы, прежде всего отечественных ученых (О. Бессоновой, С. Кирдиной)⁶. В них справедливо констатируется длительное господство институтов централизованного перераспределения основной части экономических ресурсов и благ, воспроизводимых в обществах восточного типа, в том числе в России. Принцип редистрибуции (перераспределения) благ состоял в аккумуляции центром благ, ресурсов с целью последующего перераспределения среди подданных.

Эта точка зрения находит свое подтверждение в истории Российского государства. Например, широкое распространение получила практика кормлений и раздач — в XVII в. особо крупные раздачи происходили в связи с событиями, связанными с царской фамилией, а также крупными вотчинными землевладельцами. Так «поминальные службы за здоровье царской семьи сопровождались раздачей денег или хлеба нищим, узникам или убогим, а также пищи служителям культа. Эти расходы были столь значительными, что, по мнению Котошихина, грозили разорить казну. Погребение какого-либо царя в Москве и его поминание в течение года в больших городах могло, как он пишет, стоить столько денег, сколько казна получала со всей страны»⁷.

Полагаем, что углубленное исследование специфики функционирования редистрибутивных систем должно быть продолжено в нескольких направлениях — главным образом для того, чтобы избежать ненужной идеализации подобного рода институциональных образований.

Во-первых, в рамках редистрибутивных систем государство увеличивало свои ресурсы, в том числе за счет *«неэквивалентного перераспределения»*. Это выражалось, в частности, в существовании систем двойного ценообразования, когда государство устанавливало различные цены для закупки и последующей продажи аккумулируемых им и впоследствии распределяемых благ (ресурсов). Естественно, подобная «государственная спекуляция» имела ограниченное место в связи с использованием единого денежного эквивалента. Однако косвенно подобные явления могли проявляться даже при господстве натурального перераспределения и обмена, если пропорции между (по терминологии О. Бессоновой) «сдачей и раздатком» нарушались и государство позволяло себе удерживать значительную часть перераспределяемого с целью накопления или организации крупных внешних выплат. Если сюда добавить еще оценки теневых доходов бюрократии, обусловленных именно их привилегированным положением в системе редистрибуции, то в совокупности это позволяет исследовать степень эксплуатации населения правящим классом в обществах восточного типа, оценив степень противоречивости интересов власти и населения.

Во-вторых, представляется, что основными мотивами, как верховной власти, так и бюрократии, а также некоторых слоев населения в обществах восточного типа в вопросе поддержания и воспроизводства редиистрибутивной системы, были *сохранение и экспансия собственного государства*. С этой целью организовывались масштабные мобилизационные мероприятия, аккумулирующие необходимые ресурсы. Главной функцией редиистрибутивной системы в этих условиях становилась мобилизация необходимых для стоящих перед государством задач, ресурсов, а в роли главного субъекта мобилизации выступала государственная бюрократия. Характер перераспределения ресурсов и благ во многом определялся содержанием этой целевой функции в конкретное историческое время.

Мобилизационная активность как причина формирования редиистрибутивных институциональных механизмов

Мобилизационная функция редиистрибутивной системы является не только ее решающим атрибутом, но, скорее всего, относится и к главным причинам, побудительным факторам, стимулирующим возникновение и развитие редиистрибуции как экономического института.

Исторически сложилось так, что крупные аграрные сообщества на Евразийском континенте соседствовали с племенными кочевыми союзами. Агрессивное поведение последних требовало организации эффективных оборонительных мероприятий. С одной стороны, агрессивные действия кочевников были регулярным явлением; с другой стороны, они представляли серьезную угрозу даже для крупных держав по причине различий в военной организации земледельческих и кочевых народов⁸. В оседлых аграрных сообществах безопасность обеспечивало, как правило, сравнительно немногочисленное военное сословие, в то время как степные народы отличала достаточно высокая степень боевой подготовки подавляющего большинства мужского населения⁹. В этих условиях успешно противостоять ордам кочевников можно было лишь при способности быстрой концентрации всех военных сил для отражения нападения. Существенной поддержкой в военном отношении выступала также возможность мобилизации крупных крестьянских ополчений, недостаток во-

енной подготовки которых мог компенсироваться высокой численностью. Указанные потребности в мобилизации и быстрой концентрации крупных воинских формирований стимулировали развитие реди́стрибутивных систем.

Другим известным историческим примером, демонстрирующим потребность в развитии реди́стрибуции, хотя и без акцента на скорости мобилизации, является ситуация с коммунальным характером материально-технологической среды¹⁰ — хорошим иллюстративным примером здесь служит потребность в развитии ирригационных систем, требующих концентрации существенных материальных и людских ресурсов (в Древнем Египте, Китае и др.).

В случае с российским государством сильнейшим импульсом, как к интеграции русских земель вокруг Москвы, так и к становлению и последующему развитию реди́стрибутивной системы, послужила деятельность московских князей XIV в., начиная с правления Ивана Калиты, организовывавших сбор дани с русских земель в пользу Золотой Орды (улуса Джучи). Известно, что, организуя сбор подати в русских землях, как представители высшей ханской власти, московские князья дополнительно пользовались случаем пополнить и собственную княжескую казну, что естественно способствовало росту могущества Московского княжества. После упадка и последующего распада Золотой Орды в XV в. зарождающееся Российское государство продолжало развивать систему реди́стрибуции. При этом фискальные функции стали дополняться системой поместного землевладения, заимствованной у Османской империи, с целью формирования дворянского ополчения, получившей свое широкое распространение на Руси во времена царствования Ивана III¹¹.

Завершая анализ причин, определяющих генезис реди́стрибутивных систем, следует еще указать на проблему значительных территорий, слабо взаимно интегрированных в экономическом и культурном отношении, что характерно опять же для России. Создание и существование государства в ситуации слабости горизонтальных (экономических, культурных) связей может быть компенсировано связями вертикального характера (политически и посредством управленческой бюрократической иерархии). В этих условиях ослабление управленческой вертикали власти неизбежно

влечет за собой территориальное сокращение государства. Таким образом, первоначально вызванная к жизни спецификой аграрных сообществ, граничивших с кочевыми народами и рядом других факторов, редистрибуция как институциональная новация была закреплена в последующие столетия, обусловив направленность дальнейшей институциональной эволюции ряда крупных восточных государств (Древнего Египта, России, Китая, Османской империи, частично Индии, Персии, ряда арабских государств и др.).

Можно констатировать, что одной из главных целевых функций института редистрибуции выступает мобилизация природных, людских и иных экономических ресурсов для обеспечения выживания крупного государственного образования и решения экстраординарных социально-экономических и политических задач. Масштабы такой мобилизации определяются спецификой поставленных задач, эффективностью работы мобилизационных структур, и, в конечном счете, существующими ограничениями, определяемыми исторически заданным технологическим и социально-экономическим потенциалом общества в целом. Естественно, что политическое руководство определяет правила и специфический характер мобилизационного механизма. Бюрократическая иерархия при этом является той социальной группой (классом), которая призвана служить реализации соответствующих мобилизационных задач.

Специфика мобилизационных механизмов редистрибуции: результативность versus неэффективность

Эффективный мобилизационный механизм (особенно, в масштабах таких крупных стран как Россия) способен аккумулировать значительные ресурсы. Однако существующая система государственного управления не может гарантировать их эффективного использования. Скорее, можно констатировать, что эффективность их использования заведомо ниже, чем в странах с доминированием рынка, частной собственности и демократическими политическими институтами. Причина этого кроется в институциональной невозможности отбраковывать неэффективные действия верховной власти, а также сложностями оценки эффективности и контроля верховной власти бюрократических структур, сдерживанием развития конкурентных рыночных механизмов. Наиболее действенным способом стимулирования хозяйственной

управленческой и иной активности здесь часто выступает угроза и масштаб репрессий, направленных как на бюрократическую иерархию, так и на различные низовые социальные группы.

Тем не менее, сравнительная неэффективность принимаемых властью решений и использования мобилизованных ресурсов во многом компенсируется результативностью в достижении поставленных целей — военных, экономических, реформистских и т.д. Такая результативность достигается именно посредством аккумуляирования значительных объемов ресурсов, которые и при условии малоэффективного их использования способны создавать эффект «критической массы» и обеспечивают нужный результат даже в условиях «значительного перерасхода» мобилизованных ресурсов.

Тем не менее, некоторые исследователи ошибочно характеризуют подобную результативность как «специфическую нерыночную эффективность»¹². Но такая «эффективность» в случае с редистрибутивной системой не может характеризоваться именно как эффективность, поскольку достижение требуемого результата даже в рекордно сжатые сроки обычно достигалось посредством концентрации на нужном направлении значительных ресурсов при их неизбежном перерасходе.

Неизбежность перерасхода определялась при этом целевой установкой власти, ставящей задания перед бюрократической иерархией и/или низовыми социальными структурами. Приоритет отдавался необходимости достижения результата в кратчайшие сроки (что также обусловлено с одной стороны логикой «догоняющего развития» страны, с другой — чрезвычайным характером обстоятельств, обусловивших необходимость мобилизации ресурсов и решения соответствующих задач). Срочность решения поставленной задачи не позволяла обеспечить выработку наиболее оптимального решения и его исполнения наиболее эффективным (экономным) способом, что приводило к неизбежному перерасходу ресурсов.

Таким образом, можно утверждать, что часто такой перерасход ресурсов служил своеобразной ценой, оплачивая скорость реализации мероприятий и достижения поставленных целей.

Впрочем, даже концентрация значительных ресурсов автоматически не обеспечивала требуемой результативности в рамках

редистрибутивной системы, поскольку необходим еще определенный минимум управленческой квалификации, присущей руководству и исполнителям принятых решений. Но механизм авторитарной (тоталитарной) власти в условиях дефицита демократических институтов существенно ограничивает ответственность власти в случае наступления возможных неудач. Поэтому лишь внутренняя угроза правящему политическому режиму и/или внешняя угроза потери государственного суверенитета может стимулировать усилия власти, тем самым, обеспечив результативность действий, как высшей власти, так и бюрократической иерархии.

Бюрократическая иерархия выступает не просто исполнителем решений политической власти, но является в обществе восточного типа особым классом, субъектом отношений власти-собственности, преследующим также собственные экономические интересы. Его привилегированное положение при этом всегда было обусловлено, главным образом, его ключевым местом в системе редистрибуции и реализации мобилизационных задач.

Собственный интерес бюрократической иерархии состоит в возможности реализовать себя в контексте отношений власти-собственности и максимизации своих теневых доходов от управления редистрибутивной системой при минимальном вовлечении в масштабные мобилизационные мероприятия, несущих в себе угрозу санкций при невыполнении поставленных перед чиновниками задач. Поэтому со стороны бюрократической иерархии существует естественная склонность к ограничению мобилизационной и управленческой активности, стимулируемой политическим руководством. В то же время возможность получения доходов от обслуживания редистрибутивной системы у бюрократии существует именно благодаря своему ключевому положению в этой системе.

В результате возникает сложная диалектическая связь между предписанной бюрократии функцией организации функционирования редистрибутивной системы и собственным интересом чиновников в максимизации дохода, извлекаемого из перераспределяемых ими потоков. Рост теневых доходов чиновников автоматически снижает эффективность редистрибуции, подрывая основы благосостояния общества, эффективность функционирования государства и, в конечном счете, несет ущерб для самого чиновничества. С другой стороны, сложность мобилизационных заданий

и ужесточение требований, предъявляемых к госаппарату верховной властью, угрожает бюрократии возможными санкциями и даже репрессиями в условиях возрастающей ответственности за достижение требуемого результата, что также противоречит собственным интересам бюрократии. Следовательно, система редиистрибуции представляя собой сферу взаимодействия противоречивых интересов, существует в контексте сложных циклических процессов трансформации и собственного функционирования.

Мобилизационные режимы редиистрибутивной системы

А.П. Прохоров на материале российской истории убедительно демонстрирует тенденцию формирования и воспроизводства двух сменяющих друг друга режимов функционирования системы государственного управления — стабильного и нестабильного¹³.

Стабильное состояние подразумевает устойчивое и неэффективное состояние функционирования, провоцируемое государственной бюрократией, сконцентрированной на максимизации получения институциональной ренты и лишь имитирующей исполнение своих управленческих функций. Это способствует постепенной общей деградации государственной системы управления, росту неэффективности регулятивных мероприятий и воздействий государства в целом. Поэтому политическое руководство страны склонно периодически стимулировать активность бюрократических структур и стремится повысить эффективность ее деятельности в процессе решения социально-экономических, политических или военных задач, пытаясь перевести систему государственного управления в так называемый нестабильный режим.

Длительная историческая практика способствовала выработке некоторых институциональных механизмов в этой сфере. Можно говорить о нескольких механизмах, стимулирующих перевод мобилизационной системы из стабильного в нестабильный режим:

– создание дублирующих управленческих структур, стимулирующих активность и контролирующих основные управленческие иерархии (партийные и церковные институты, институты спецуполномоченных, органы внутренней безопасности или армейские подразделения и др.);

– делегирование полномочий по выполнению заданий низовым структурам, дополняемое механизмом «круговой пору-

ки» — коллективной ответственности за навязанные властью отдельным социальным группам обязательства;

– жесткие санкции (вплоть до репрессий) за неисполнение поставленных задач.

Кроме того, возникновение чрезвычайных для страны ситуаций (бунты и революции, стихийные бедствия, военная агрессия против страны) сами по себе дополнительно стимулировали руководство и бюрократические структуры к переходу системы госуправления в нестабильное, мобилизованное состояние.

Следует особо отметить, что основная часть населения занимает ярко выраженное подчиненное положение по отношению к власти. Будучи социально структурировано, все общество представляет собой совокупность социальных кластеров, горизонтальных расположенных страт. Поскольку характер монархической (деспотической) власти или диктаторской власти (партийной номенклатуры) авторитарен, а институты представительной демократии не развиты, то не существует эффективных механизмов обеспечения ответственности власти в случае реализации неэффективной политики.

По сути, существуют лишь два вида обратной связи, с помощью которых власть имеет возможность учесть состояние и настроение низовых структур.

Во-первых, это получение жалоб («институт административных жалоб» по О. Бессоновой)¹⁴, когда власть по количеству получаемых жалоб способна оценить характер и степень остроты существующих проблем.

Во-вторых, восстания (бунты, революции), порожденные часто отчаянием доведенных до бедственного состояния низовых социальных групп. Соответствующий рост социальной напряженности свидетельствует при этом не только о неготовности власти адекватно реагировать на потребности низовых структур посредством удовлетворения жалоб, но и демонстрирует снижение способности управленческой иерархии к мобилизации и подавлению внутренних беспорядков. Последние, разрастаясь и создавая угрозу правящему режиму, сами по себе способствуют мобилизации власти и переводу управленческих структур в нестабильный режим с целью предотвращения социальной катастрофы.

Специфика функционирования низовых социальных (кластерных) структур и доминирование вертикальных связей

Тем не менее, было бы ошибочным считать, что, несмотря на подчиненное положение низовых социальных структур, они в обществах восточного типа низведены до состояния абсолютной подчиненности либо подконтрольности власти.

Характер редистрибутивной системы определяет специфику вертикальных отношений как внутри системы власти (центральная власть (+ элита (олигархия)) — бюрократия), так и взаимодействие системы власти в целом с низовыми социальными структурами, отражая тем самым специфику господства редистрибутивной системы. Власть, взаимодействуя с низовыми социальными структурами (крестьянской или посадской общиной, купечеством, цехами, артелями, помещиками и т.д.), заинтересована в получении у них определенных ресурсов или благ, выплачиваемых (выдаваемых) ей в соответствии с определенной нормой. При этом власть выстраивает свои отношения персонально с каждым низовым кластером, каждый из которых представляет собой в свою очередь относительно замкнутую социальную структуру с внутренней иерархией и правилами поведения. Возникает коллективная ответственность каждого низового кластера перед властью в вопросе выполнения мобилизационного задания, спускаемого сверху, — «круговая порука».

Одновременно существует специфическая тенденция, когда власть не склонна поощрять развитие любых разновидностей конкурентных отношений (экономической, технической, институциональной) между низовыми кластерными структурами. Это, естественно, не способствует развитию тех же рыночных отношений.

Можно указать на две причины, обуславливающие несклонность власти поощрять развитие конкурентных отношений.

Во-первых, при господстве редистрибутивной системы бюрократическая властная иерархия превращается в важнейший интеграционный фактор социума в целом, в котором даже горизонтальное взаимодействие низовых кластерных структур обусловлено характером вертикальных связей через бюрократический аппарат центральной власти, укрепляющий таким образом свое присутствие в структуре общества. Тенденция усиления

вертикальных связей также соответствует интересам бюрократии, увеличивающей свое влияние, что не может не сказаться позитивно и на росте ее благосостояния.

Во-вторых, конкурентные отношения, стимулирующие принятие эффективных решений и внедрение новаций, сопряжены как с развитием частной инициативы и самостоятельности, так и с формированием институциональных механизмов, согласующих индивидуальные интересы (прежде всего, рынка как такового). Функционирование рыночного института предполагает более высокую аллокационную эффективность по сравнению с редистрибуцией. Однако последняя может отличаться меньшей инертностью, по крайней мере, в рамках нестабильного режима функционирования системы. Кроме того, рыночный способ координации в отличие от редистрибуции сам по себе обладает ограниченной способностью посредством ценового механизма аккумулировать значительные объемы ресурсов для решения задач в масштабах государства. Поэтому государство в обществах восточного типа не склонно превращать конкурентные формы взаимодействия в доминирующий способ социальной координации, оставляя для воспроизводства и функционирования этих институтов только отдельные явно или неявно очерченные ниши, либо даже вообще стараясь полностью исключить в обществе отношения такого рода (сталинизм в СССР).

Хотя государство стремится к доминированию вертикальных отношений в социуме над горизонтальными, в обычной практике власть понимает ограниченность собственных возможностей в установлении полного контроля за деятельностью низовых социальных групп. В этой связи основные полномочия и «административный ресурс» власти концентрируются на реализации группы полномочий, сопряженных с редистрибуцией как таковой, т.е. сбором и аккумуляцией требуемых ресурсов. При этом в пределах полномочий низовых кластерных структур оставляется определение характера их внутренней самоорганизации, в том числе и организация деятельности, направленной на выполнение полученных «сверху» заданий. Поэтому в самих низовых социальных группах могут присутствовать разнообразные формы их самоорганизации, в том числе даже получить распространение квазидемократические формы самоорганизации. Центральная

власть часто не склонна вмешиваться во внутренние дела этих групп при условии выполнения ими спущенных властью заданий. Естественно, что степень обременения зависит также от того, в каком режиме (стабильном или нестабильном) функционирует государство в исторически конкретный период времени.

Нестабильный режим функционирования предполагает способность управленческой иерархии аккумулировать значительно больший объем ресурсов, чем в обычных условиях, для решения стоящих перед государством внутренних и/или внешних задач. Предъявление властью повышенных мобилизационных требований к низовым структурам естественным образом сталкивается с их растущим сопротивлением усиливающейся эксплуатации. Чтобы преодолеть его, управленческие структуры государства должны быть готовы работать в чрезвычайном режиме, преодолевая возрастающее сопротивление. В свою очередь, чтобы стимулировать бюрократические структуры повысить эффективность и интенсивность своей деятельности, центральная власть прибегает к уже упомянутым ранее мерам и механизмам, в том числе ужесточая ответственность за выполнение указаний.

При нестабильном режиме функционирования страны государственная вертикаль может даже позволить себе вмешательство во внутреннее функционирование низовых кластеров, чтобы стимулировать как их более результативную, так и более эффективную работу. Это может осуществляться, например, посредством внедрения параллельных управленческих структур не только в рамках управленческой вертикали, но и внутри самих низовых социальных структур и стимулирования с их помощью, прежде всего, внутригрупповой конкуренции, поиска эффективных инновационных решений и их усиленное распространение (тиражирование) среди других низовых социальных групп. Богатый опыт стимулирования активности и роста эффективности низовых социальных структур имел место в СССР. Все это способствует росту эффективности и результативности системы в целом, но главным источником повышения отдачи выступают в этом случае именно низовые кластерные структуры.

Очевидно, что нестабильный режим функционирования системы позволяет (благодаря сверхмобилизации потенциала, как низовых групп, так и государственной бюрократии) концент-

ризовать значительный объем ресурсов для решения актуальных задач, даже при недостатке управленческой компетенции и дефиците ответственности власти за принятие неадекватных решений, что обуславливает часто низкую эффективность применения аккумулированных ресурсов. Власть может позволить себе не считаться с «перерасходом» ресурсов — материальных, финансовых, людских и пр. Именно концентрация ресурсов выступает решающим фактором, обеспечивающим достижение требуемого властью результата.

Цикличность развития редистрибутивного институционального механизма

Функционирование управленческих структур и общества в целом в нестабильном режиме (особенно при проведении длительной и жесткой мобилизационной политики), наряду с выполнением поставленных макрозадач, оборачивается истощением и исчерпанием существующих ресурсов вплоть до деградации отдельных секторов экономики и социальной сферы, снижения благосостояния и качества жизни значительных слоев населения. Ущерб несут и сами бюрократические структуры в ходе применения жестких санкций и даже репрессий. При функционировании редистрибутивных систем в нестабильном режиме возникают и ограничения, связанные с нецелевым использованием перераспределяемых благ и ресурсов, ужесточаются санкции нецелевого использования ресурсов, хотя подобные ситуации часто сочетаются с дополнительными возможностями сверхобогащения у агентов управленческих иерархий, в связи с ростом потоков перераспределяемых ресурсов и усложнением контроля над их целевым использованием.

В конечном счете, подавляющая часть населения заинтересована в выходе страны из состояния управления в нестабильном режиме. Этому способствуют как решение государством наиболее животрепещущих задач, что позволяет ослабить мобилизационный нажим, так и действия бюрократических структур, при возможности нивелирующих или (насколько это возможно) игнорирующих импульсы активности центральной власти. Схожей стратегии поведения придерживается и значительная часть населения.

После перехода системы в стабильный режим со временем возрастают масштабы неэффективности, чиновники максимизируют доходы, используя свое служебное положение, и снижают собственную управленческую активность. Система, действуя в стабильном режиме, в целом деградирует.

Долгое существование системы в стабильном режиме может привести к прохождению некоторого критического порога деградации, когда система практически перестает результативно функционировать. В этом случае система может оказаться в принципе неспособной переключиться для функционирования в нестабильном режиме, что может приводить даже к военным поражениям и социальным катастрофам (например, в случае успешной революции). Предельным случаем здесь становится гибель государства и распад общества.

Важно отметить, что в рамках такой редистрибутивной системы инновационная активность получает достаточно ограниченное распространение. Потребность в инновациях возникает в основном на стадии функционирования системы в нестабильном режиме, когда низовые структуры должны справиться с решением поставленных перед ними задач, что может стимулировать такие коллективы принимать и поддерживать нестандартные инновационные решения. Однако с укоренением стабильных режимов функционирования системы потребность в инновационных решениях исчезает, их распространение перестает приветствоваться. Отсутствие поддержки генерируемым в таком социуме инновациям неизбежно приводит к необходимости импортировать институты, технологии и идеи, вынуждая страну выбирать стратегию догоняющего развития (модернизации).

Подобная цикличность — повторяющихся смен устойчивых и неустойчивых режимов в системе госуправления — объясняет, в конечном счете, и ряд поведенческих и ценностных установок большинства населения. Речь идет о том, как формируется его отношение к богатству и собственности, распространение таких качеств как солидарность и приверженность уравнительности в распределении, отношение к труду, пристрастие авторитарных форм политической жизни и управления и многое другое.

Существуют также определенные исторические причины, способствующие формированию цикличности функциони-

рования редистрибутивных институциональных механизмов. Так, целый ряд авторов (Л. Милов¹⁵, А. Прохоров, А. Паршев¹⁶, С. Кирдина и др.) констатируют специфику климатических условий России, обуславливающих сравнительно короткий период проведения сезонных полевых работ, требующих как коллективных форм организации труда, так и возникающей регулярно потребности в предельной мобилизации усилий крестьянской общины. Периоды мобилизации сменяются длительными периодами вынужденного бездействия. Этот «естественно-климатический» фактор (наряду с упомянутой ранее потребностью в экстренной мобилизации, вызванной внешней угрозой) служил естественным фоном, обуславливающим возникновение, развитие и укрепление института редистрибуции с его ярко выраженным фазовым, циклическим режимом функционирования.

«Наследие» редистрибуции и стратегия модернизации современной России

Итак, общим выводом является констатация закономерного характера господства института редистрибуции в обществах восточного типа, основанного на использовании мобилизационных механизмов развития. Это, в конечном счете, было обусловлено длительной исторической практикой, институциональными новациями в этой сфере, приобретенными и освоенными благодаря накопленному опыту реализации мобилизационного потенциала редистрибутивного институционального механизма.

Неудивительно поэтому, что часто успех социально-экономической модернизации России был основан именно на готовности политической власти расширять использование механизмов редистрибуции в реализации социально-экономических проектов, в том числе в стимулировании инвестиционной и инновационной активности. Такая стратегия развития опирается на стимулирование активности существующей бюрократической иерархии и предполагает использование элементов мобилизационных технологий с сохранением контроля и активного стимулирования государством основных потоков ресурсов, в современных условиях особенно финансовых. Рыночный способ координации в таких условиях занимает менее значимое положение в хозяйственной сфере.

В некотором смысле выбранная стратегия может быть признана оптимальной. Она опирается на многовековое институциональное наследие нашей страны, позволяя использовать возможности потенциальной результативности, заложенные в существующий институциональный механизм в краткосрочном и среднесрочном периодах. Однако эксплуатация подобных институциональных механизмов отличается сравнительной неэффективностью и может не оправдывать уровня издержек, перекладываемых на значительную часть населения в долгосрочном периоде, обеспечивать сравнительную неэффективность использования ресурсов, что может находить свое выражение в более высоких уровнях издержек и цен по сравнению с развитыми странами в условиях международной конкуренции.

В то же время стратегия реформирования, предполагающая создание эффективных институтов рыночной экономики, не снимается с повестки дня, что позволяет надеяться на возможность замещения менее эффективных институтов в долгосрочной перспективе. К тому же именно стратегии рыночного реформирования и подчинено (хотя бы по видимости) активное использование редистрибутивных механизмов в современной России.

Конечно, стратегия реформирования должна предполагать перерождение бюрократических структур из правящего класса в административный аппарат, обслуживающий интересы гражданского общества. Не следует думать, что такое перерождение будет иметь гармоничный характер. В то же время опыт трансформации ряда восточных государств (Япония, Южная Корея) и других стран (Чили), продемонстрировавших успешность реформ, как в экономической, так и в политической сфере, может внушать осторожный оптимизм. Очевидно, что реформы и в нашей стране, предполагающие преодоление отношений власти-собственности, столкнутся с препятствиями, которые могут быть преодолены в долгосрочной перспективе лишь при условии формирования цивилизованных отношений предпринимательских сообществ и властных структур.

Даже современные развитые страны с богатыми рыночными традициями и получившей широкое распространение частной собственности активно используют элементы редистрибуции для обеспечения выполнения комплекса социально-экономи-

ческих задач. Сочетание рыночного и общественного принципов функционирования таких экономик закрепил за ними такую устойчивую характеристику как «смешанные экономики». Очевидно, в связи с этим, что такие страны как Россия должны, учитывая свою национальную специфику, трансформировать свою экономическую систему таким образом, чтобы совместить преимущества рыночных и редиистрибутивных начал, постаравшись максимально учесть возможную конфликтность и известную взаимоисключаемость этих двух институциональных форм.

Примечания

¹ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000; Постсоветский институционализм — 2006: Власть и бизнес / под ред. Р.М. Нуреева. Ростов-н/Д, 2006. С. 20–21.

² Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 65–67.

³ Там же. С. 58–65.

⁴ Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М., 2004. С. 79–98.

⁵ Ключевский В.О. История России. Статьи. М., 2003. С. 380–423.

⁶ Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М., 2006; Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России; Кирдина С. Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ.

⁷ Цит. по: Кондратьева Т. Кормить и править: о власти в России XVI–XX вв. М., 2006. С. 29; См. также: Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича / Ed. by A. E. Pennington. Oxford, 1980. P. 43.

⁸ Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005. С. 181–182, 184–185.

⁹ Там же. С. 181, 183.

¹⁰ Кирдина С.Г. X- и Y-экономики... С. 61–66.

¹¹ Нефедов С.А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 30–53.

¹² Дроздова Н.П. Неинституциональная концепция экономической истории России: постановка вопроса // Экономическая теория на пороге XXI в. Ч. 2. М., 1998. С. 692–706.

¹³ Прохоров А.П. Русская модель управления. М., 2002. С. 84–104.

¹⁴ Бессонова О.Э. Указ. соч. С. 92.

¹⁵ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

¹⁶ Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 43–53.